

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2Рос=Рус)1-6
О-76

Серия «Русская классика» основана в 2008 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Островский, Александр Николаевич.

О-76 Пьесы / Александр Островский. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 412, [4] с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-17-063240-4

В этот сборник вошли самые прославленные пьесы Островского — рвущие душу, трагические истории любви «Гроза» и «Бесприданница», в героинях которых по-прежнему узнают себя все новые поколения читателей, лирическая пьеса «Бедность не порок» и увлекательные искрометно-остроумные сатирические комедии — «Свои люди — сочтемся!» и «На всякого мудреца довольно простоты».

Нестареющие пьесы.

Яркие образы.

Увлекательные сюжеты...

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2Рос=Рус)1-6

© ООО «Издательство АСТ», 2018

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самсон Силыч Большов, купец.

Аграфена Кондратьевна, его жена.

Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.

Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.

Устинья Наумовна, сваха.

Сысой Псойч Расположенский, стряпчий.

Фоминишна, ключница } в доме Большова.

Тишка, мальчик

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л и п о ч к а (*сидит у окна с книгой*). Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, — вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастья, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! (*с жаром*) оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! (*Вздыхает.*) Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну, а прицепа он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодошевленный! (*Молчание.*) Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё

решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. (*Задумывается.*) Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный стовор, горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь. Ах, срам какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ка теперь на досуге. (*Дурно вальсируя.*) Раз... два... три... раз... два... три...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна (*входя*). Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ка, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

Аграфена Кондратьевна (*преследуя ее*). Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз... два...

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! (*Бежит за ней.*) Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз, два, три...

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Л и п о ч к а. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и Бог создал, чтоб жаловаться. Самито вы не очень для меня значительны! Раз, два...

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Как! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Л и п о ч к а. Ну да рвите на здоровье! Вам еще зашивать придется! Вот и будет! (*Садится.*) Фу... фу... как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Постою, уж я сама оботру! Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Л и п о ч к а. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Л и п о ч к а. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Уймись! эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнушь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Л и п о ч к а. Да, вам житья нет! Воображаю! А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Л и п о ч к а. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. (*Шепчет в сторону.*) Душка, милашка!

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да, хорош душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шу-та за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Л и п о ч к а. Видимый резон, что не хотите моего счастья. Вам с тятенькой только кляузы строить да ти-ранничать.

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, как ты хочешь там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то дённо и ночью заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя по-скорее.

Л и п о ч к а. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость,

уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Л и п о ч к а. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми; в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подружки с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердый, не могу с духом собраться... Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Л и п о ч к а. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос? Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть? У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Л и п о ч к а. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабаль-

ная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все неженское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Л и п о ч к а. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(стоит и смотрит на нее)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Л и п о ч к а *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Л и п о ч к а *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! *(Целуются.)* Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Л и п о ч к а *(голосом, еще не успокоившимся)*. Ах! кабы она поскорей пришла!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ка, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать: на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токма чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это-таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

А гра ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна.

Ф о м и н и ш н а. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и У ст и н ь я Н а у м о в н а.

У ст и н ь я Н а у м о в н а (*входя*). Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Л и п о ч к а. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

У ст и н ь я Н а у м о в н а. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. (*Целуясь*.) Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала, ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Слава Создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

У ст и н ь я Н а у м о в н а. Чай, об нарядах все. (*Целуясь с Липочкой*.) Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная?.. Пошли, Творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Ф о м и н и ш н а. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Л и п о ч к а. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

У ст и н ь я Н а у м о в н а (*Фоминишне*). Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

Ф о м и н и ш н а. Как знаешь. Известно, мы не хозяйева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а (*садясь*). Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко, вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила, и забежала-то так, на минуточку.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ж ты, Фоми-нишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Л и п о ч к а. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Ф о м и н и ш н а. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как успеет, вели сюда принести.

Ф о м и н и ш н а. Как же уж! Слушаю! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Фоминишны.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня девка-то стосковалась совсем.

Л и п о ч к а. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хотя Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей

беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет, а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоём купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез не достанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак ты плакать собираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

А графена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. (*Смотрит в зеркало.*) Ах, Господи! А сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

А графена Кондратьевна (*наливает*).
Кушай-ка на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде,
яхонтовая. (*Пьет.*)

А графена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете
зелье этакое?

А графена Кондратьевна. Из винной конто-
ры. (*Пьет.*)

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

А графена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по
малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка,
что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя,
Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-
то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые,
да и только.

А графена Кондратьевна. Насилу-то умное
словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхож-
дения и значительный человек, такой вельможа, что
вы и во сне не видывали.

А графена Кондратьевна. Видно, уж попро-
сить у Самсона Сильча тебе парочку арабчиков¹.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная,
возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как,
просто тебе истукан золотой.

А графена Кондратьевна. Ты бы, Устинья
Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не
горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать
некуды.

А графена Кондратьевна. Хорошо бы это,
уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумов-

¹ Арабчик — червонец. (*Примеч. автора.*)